

В. Н. Земцов

Екатеринбург

**ВОЙНА, РЕВОЛЮЦИЯ И ПАМЯТЬ (СОВРЕМЕННЫЕ
ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ И ВОСПРИЯТИИ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историография Первой мировой войны; память о Первой мировой войне; российская революция 1917 г.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблемам взаимосвязи истории Первой мировой войны и вызванной ею российской революции 1917 г. с вопросами их изучения и памяти о них. Автор приходит к неутешительному выводу, что отечественная историческая наука не только отстала от западноевропейской и американской в изучении Первой мировой войны, но и лишена возможности восполнить этот недостаток. Причина заключается в том, что, во-первых, в отечественной историографии в силу разных обстоятельств не был завершен «классический» этап изучения собственно военных действий; во-вторых, преобладает значительный элемент политической и идеологической заданности в изучении прошлого; в-третьих, ярко проявляющаяся склонность российской исторической науки к автоматическому заимствованию новых тематических сюжетов и методологических подходов у историков Запада сочетается с игнорированием необходимости на этой основе подготовки глубоких, хорошо фундированных собственно военно-исторических сочинений.

V.N. Zemtsov

Yekaterinburg

**WAR, REVOLUTION AND MEMORY (CURRENT TRENDS IN
THE STUDY AND PERCEPTION OF THE FIRST
WORLD WAR)**

KEY WORDS: historiography of the First World War; the memory of the First World War; the Russian revolution of 1917.

ABSTRACT. Article investigates the relationship between the history of the First World War and the consequent Russian revolution of 1917 with the issues of learning and memory about them. The author comes to the disappointing conclusion that the Russian historical science not only lagged behind Western European

and American historians in the study of the First World War, but also deprived of the opportunity to fill this gap. The reason is that, first, in the national historiography due to various circumstances was not completed "classic" stage of study of the actual military events; second, dominates a significant element of political and ideological orientation in the study of the past; third, the pronounced tendency of the Russian historical science to the automatic borrowing of new thematic subjects and methodological approaches used by the historians of the West, combined with ignorance of the need for this basis of preparation a deep, well-funded actually military-historical works.

В преддверии нового, 2017-го года, в России стала популярной картинка, на которой был изображен портрет В. И. Ленина и слова: «Я уверен, 17-й год будет намного лучше». Столь мрачная шутка, получившая широкое распространение, была отнюдь не случайной. Человеческая память, в данном случае, историческая память россиян, зачастую вопреки их желанию, заставляет проводить параллели между событиями 100-летней давности и сегодняшним днем. Немаловажную роль в этом играют современный общемировой контекст и те проблемы, с которыми Россия сталкивается в своих попытках реализовать внешнеполитические интересы в регионах, примыкающих или близких к российским границам.

Полагаем, что подобное ощущение тревожности свойственно сегодня не только россиянам. Это прекрасно видно при знакомстве с литературой, посвященной Первой мировой войне и вышедшей из-под пера историков Западной Европы и США в последние годы. Пожалуй, самой заметной работой, вызвавшей большой общественный резонанс, стала книга австралийского историка, работающего в Лондонской школе экономики и политических наук, К. Кларка «Лунатики: как Европа шла к войне. 1914 год» (10), вышедшая в 2012 г. и впоследствии множество раз переизданная. По мнению ее автора, тогда, в 1914 г., никто не хотел войны, но народы «вошли» в нее подобно лунатикам. Комментируя работу Кларка, крупнейший британский политолог К. Коукер отметил, что в 1914 г. мир был во многом даже более глобализованным, чем в начале XXI в. Это проявлялось, в частности, в плане соотношения объема международной торговли и мирового ВВП; существовала единая мировая валюта – британский фунт стерлингов; единственной мировой державой была Великобритания; основные страны мира уже пережили промышленную революцию и в них на-

блюдался устойчивый экономический рост... Однако эта глобализация начала XX в. сама по себе породила значительные противоречия: элита и основная масса населения динамично развивающихся стран богатели, в то время как нищета в странах бедных не уменьшалась; Германия пыталась взорвать сложившийся мировой порядок, будучи вместе с тем не готова предложить новые универсальные ценности; разрастались этно-национальные конфликты на европейской периферии, затягивая в себя великие державы... Обратившись к современной истории, К. Коукер указывает на явное сворачивание процессов глобализации, на рост экономического национализма, ограничения в системе Интернет, упадок демократических ценностей, ослабление «энергии, воли и веры в себя» политических лидеров США. Коукер не преминул дать и характеристику поведения современной российской политической элиты, отметив, что нередко ее действиями руководит обида «и неявный страх перед историей, желание изменить ее вместо того, чтобы строить будущее» (2).

Стоит напомнить, что в западной историографии длительное время господствующей была «примиренческая версия» происхождения Первой мировой войны, когда вопрос о виновнике в ее развязывании, вопреки 231 статье Версальского договора, возлагавшей моральную ответственность на Германию, фактически снимался. Однако с выходом в 1961 г. монументального исследования немецкого историка Ф. Фишера «Рывок к мировому господству» (11)* тезис о виновности Германии стал преобладающим. Будучи центральным в решении глобальных проблем происхождения как Первой, так и Второй мировых войн, этот вопрос снова оказался в центре внимания во время знаменитого «спора историков» в 1986-1987 гг., а сегодня и в дискуссиях вокруг книги К. Кларка. Однако подходы к его решению оказались, во многом, иными, чем у Фишера. Дело в том, что в 1960-1970-е гг. историки, занимавшиеся изучением Первой мировой войны, начали концентрировать внимание на иных, чем было ранее, ее аспектах. Поли-

---

* Важно отметить, что в том же году вышла книга британского историка А. Дж. П. Тейлора «Происхождение Второй мировой войны» (14), вызвавшая не менее серьезную полемику, чем работа Фишера. Своеобразным же ответом британского историка на книгу Фишера стала работа А. Дж. П. Тейлора, опубликованная двумя годами позже (13).

тическая и чисто военная тематика стала вытесняться «антропологическими сюжетами» – историей повседневности, ментальности, памяти... Так, после открытия в Британии доступа к архивным документам 50-летней давности стало очевидным, что восприятие истории войн связано не только с тем, что именно и как пишут историки, но с воздействием событий «сегодняшнего дня» и мироощущением «сегодняшнего» человека. Когда в середине 1960-х гг. BBC-2 выпустила в прокат 26-серийный фильм о Первой мировой, в котором говорилось, что война была необходима, отклики телезрителей оказались совершенно противоположны тому, что хотели сказать создатели киноленты.

Ключевыми работами в осмыслении «открытого» тогда феномена памяти о Первой мировой войне стали труды двух американских авторов – Дж. Уинтера (16) и П. Фассела (12). К началу XXI в. в литературе на Западе, посвященной Первой мировой войне, официальные и «ностальгирующие» подходы уже стало невозможным противопоставлять (См.: 1; 4; 6; и др.). Исследователи, пишущие ли в рамках академической науки, либо научно-популярной и публицистической литературы, активно стремятся выйти на новый уровень постановки и осмысления проблем, в том числе, происхождения войны. По-видимому, этим и объясняется столь широкий резонанс, который вызвала книга Кларка: он не стал однозначно решать «вопрос о виновнике», не солидаризируясь ни с версией «виновности всех», ни с положениями Версальского договора или тезисом Ф. Фишера. Кларк, во многом, сосредоточился на воспроизведении и анализе действий конкретных персонажей в конкретной ситуации 1914 года, не забывая при этом обрисовывать и общеисторический контекст**. Видится ли в этом случае начавшаяся война следствием «виновности всех» или же результатом злонамеренной политики потенциального агрессора? Однозначного ответа быть не может, поскольку наряду с последовательными действиями государств, стремившихся к ревизии мирового порядка, важную

** Полагаем, что до известной степени предшественником Кларка в подобных попытках понять происхождение войны был британский историк Д. К. Уотт (15).

роль «сыграли изъяны в общей политической культуре» и элементы случайности.

Насколько подобные тенденции, характерные для современной западной историографии Первой мировой войны, свойственны отечественной традиции? Для начала напомним, что, несмотря на ряд важных работ, опубликованных в 1920-1930-е гг. (3; 7; и др.), в том числе множество небольших изданий, посвященных изучению отдельных военных операций и даже боев, подготовленных для военных специалистов, в течение многих десятилетий после Второй мировой войны событиям 1914-1918 гг. уделялось крайне мало внимания. Общей чертой советской историографии была характеристика Первой мировой войны как исключительно империалистической, вызванной стремлением мировой буржуазии поделить уже поделенный мир, а также последовательное замалчивание того очевидного факта, что революция 1917 г. была непосредственно связана с мировой войной. Исключения были единичными (9). В тематическом плане внимание советских историков было сконцентрировано на вопросах социально-экономического характера.

Вполне естественно, что тот поистине «революционный» поворот методологического и проблемного характера, который в западной историографии произошел в 1960-1970-е гг., обозначился в России только к концу XX в., а собственно исследовательские работы в рамках новой методологической парадигмы стали появляться лишь к началу XXI в. (5) Однако главная проблема в развитии современной отечественной историографии нам видится в другом. «Марксистско-ленинский» взгляд на войну, а затем стремление в одночасье «впихнуться» в модные тренды зарубежной исторической науки привели к тому, что слабо исследованной областью осталась собственно военная история. Если этап изучения планирования военных операций, хода военных действий, анализа отдельных компонентов того, что составляет «механику войны» прошел на Западе давно, и это заложило хорошую основу для «антропологического поворота» 60—70-х гг., то у нас этот этап, только обозначившийся в межвоенный период, был благополучно забыт после Второй мировой войны. Слабые попытки что-либо сделать в этом плане в связи с «юбилеем» войны (как, например, оцифровать картотеку бюро учета потерь Первой мировой войны, оказавшуюся в 1960-е гг. «за ненадобностью» в Ялуторовске!), вряд ли

позволят заполнить ту брешь, которая образовалась за 100 лет в нашем представлении о Великой войне.

В этой связи и обращение к национальной памяти об этом грандиозном событии также выглядит весьма своеобразно. В связи с круглой датой начала войны, и бросившись реализовывать слова президента В. В. Путина о необходимости воскрешения памяти о событиях столетней давности, научная и околонучная общественность с завидным рвением принялась воспроизводить фантастические мифы о спасении Парижа за счет гибели русских армий в Восточной Пруссии в 1914 г., об «атаке мертвецов» под крепостью Осовец в 1915 г. и т.п. Несмотря на то, что существует множество примеров эффективных и при этом глубоко научных вариантов сохранения и актуализации памяти о Великой войне в странах Запада (весьма, к слову сказать, впечатляет транснациональный и глубоко гуманистический подход к репрезентации истории в «Музее истории Великой войны» во французском Перонне, разработчиком которого стал выдающийся американский историк Джей Уинтер), в нашей стране в условиях, когда один «юбилей» (столетие Первой мировой войны) перекрывается другим (100-летие революции 1917 г.), ни о какой глубине и научности говорить уже не приходится.

Таким образом, мы приходим к неутешительному выводу о том, что отечественная историческая наука не только отстала от западноевропейской и американской в изучении Первой мировой войны, но и лишена возможности восполнить этот недостаток. Причина заключается в том, что, во-первых, в отечественной историографии в силу разных обстоятельств не был завершен «классический» этап изучения собственно военных действий; во-вторых, преобладает значительный элемент политической и идеологической заданности в изучении прошлого; в-третьих, ярко проявляющаяся склонность российской исторической науки к автоматическому заимствованию новых тематических сюжетов и методологических подходов у историков Запада сочетается с игнорированием необходимости на этой основе подготовки глубоких, хорошо фундированных собственно военно-исторических сочинений. Все это заставляет нас выражать серьезную обеспокоенность тем, что и столетие великой русской революции 1917 г. не приведет к серьезному углублению наших представлений о ее происхождении и сути связанных с нею трагических событий.

Литература:

1. Баранов Н. Н. Современная германская историография Первой мировой войны // Gyaestio Rossica. 2014. № 1. С. 129-141.
2. Британский политолог Кристофер Коукер – о том, чему нас не научила история Первой мировой (<http://globalconflict.ru/analytics/85918-kristofer-kouker-my-stoim-na-poroge-konflikta-velikix-derzhav>) (выход на сайт 21.01.2017)
3. Зайончковский А. М. Мировая война 1914-1918 гг. Т. 1-2. М., 1938-1939.
4. Первая мировая война. Современная историография / Отв. ред. В. П. Любин. М., 2014.
5. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в России в период первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000.
6. Сергеев Е.Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 1 (42). 2014. С. 6-12.
7. Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871-1919. М.: Госиздат, 1927.
8. Фассел П. Великая война и современная память. СПб.: Евразийский ун-т в Санкт-Петербурге, 2015.
9. Яковлев Н. Н. 1 августа 1914 г. М.: Молодая гвардия, 1974.
10. Clark Ch. The Sleepwalkers: How Europe went to War. 1914. London: Allen Lane, 2012.
11. Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf: Droste, 1961.
12. Fussell P. The Great War and Modern Memory. Oxford: Oxford Univ. Press, 1975.
13. Taylor A.J.P. The First World War: an illustrated history. London: H. Hamilton, 1963.
14. Taylor A.J.P. The Origins of the Second World War. London: Hamish Hamilton, 1961.
15. Watt D. C. How War Came. The Immediate Origins of the Second World War. 1938-1939. N.Y.: Pantheon Books, 1989.
16. Winter J. Remembering War: the Great War between Memory and History in the Twentieth Century. New Haven; London: Yale Univ. Press, 2006.